

ЦЕЙЛОНСКИЙ РАЙ АНТОНА ЧЕХОВА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ,
К 120-Й ГОДОВЩИНЕ ПОСЕЩЕНИЯ ЦЕЙЛОНА

Д.Т. КАПУСТИН

Кандидат исторических наук

Антон Павлович Чехов посетил Цейлон в ноябре 1890 г., возвращаясь в Одессу «кружным путем» - вокруг Азии - из своей знаменитой поездки на Сахалин. Посещение тропического острова оказалось самым ярким событием в 52-дневном морском путешествии, и чеховские воспоминания об этом неизменно наполнены радостью, светом и юмором - может быть, из-за тропической экзотики, а может быть, из-за подъема духа, который испытывал 30-летний писатель, завершив свои дела в торговом «аду».

После возвращения в Москву он писал (5 января 1891 г.) «драгоценному» А.С.Суворину, другу-покровителю, издателю популярной газеты «Новое время»: «*После сахалинских трудов и тропиков моя московская жизнь кажется мне теперь до такой степени мещанскою и скучною, что я готов кушаться*»¹.

Надо отметить, что документов, относящихся к посещению острова, немного. В основном это письма самого писателя и воспоминания его друзей и родственников. Однако разыскания историков и чеховедов последних лет позволяют уже довольно подробно и, главное, документированно проследить пребывание писателя на Цейлоне. Весной 2008 г., будучи в научной командировке в Шри-Ланке, я также пытался разрешить ряд вопросов, связанных с пребыванием на острове молодого беллетриста Антона Чехова.

Возвращение морем в Одессу было задумано писателем с самого начала. За месяц с небольшим до отъезда А.Чехов в письме от 16 марта 1890 г. писал брату по перу И.Леонтьеву (Щеглову): «*Мой маршрут таков: Нижний, Пермь, Тюмень, Томск, Иркутск, Сре́тенск, вниз по Амуру до Николаевска, два месяца на Сахалине, Нагасаки, Шанхай, Ханькоу, Манила, Сингапур, Мадрас, Коломбо (на Цейлоне), Аден, Порт-Саид, Константинополь, Одесса...*» Он приглашал приятеля разделить все трудности и прелести путешествия, предвкушая: «*...А в Индии напишем по экзотическому рассказу или по водевилю "Ай да тропики!", или "Турист поневоле", или "Капитан по натуре", или "Театральный альбатрос" и т.п. Поедем!*»

Как видим, планы были грандиозны и заманчивы. Но главным объектом поездки был, конечно, Сахалин и двухмесячная работа там, а маршрут вокруг Азии мыслился, скорее, как туристический. Чехову очень хотелось побывать в Японии (он питал удивительную заочную любовь к этой стране всю жизнь), познакомиться с великими азиатскими цивилизациями - китайской и индийской, побывать в тропических столицах - Коломбо и Маниле, вдохнуть жар Аравийской пустыни, проплыть по Красному морю и недавно прорытому Суэцкому каналу, побродить по Константинополю - наслед-

нику древней столицы Византии. Планы были так заманчивы!..

Из чеховской переписки следует (а именно она хранит воспоминания об «азиатской кругосветке»), что писатель относил Цейлон к Индии, а его население к «индусам» (а не сингалам), поскольку в те времена остров традиционно воспринимался как часть колониальной Британской Индии, хотя формально он стал отдельной колонией еще в 1802 г. Цейлон из-за яркости впечатлений оказался как бы центром вояжа вокруг Азии (несмотря на то, что стоянка в Гонконге, например, была дольше, чем в Коломбо).

Неизвестно, знал ли Чехов, что название «Цейлон» произошло от древнего самоназвания страны «Синхала-двипа» (остров сингалов-потомков льва) и прошло затем сложную колониальную португало-голландско-английскую транслитерацию - Сейлао-Сейлан-Цейлон.

Известно, что «страсть к передвижению» (по его собственному выражению) не иссякала у Чехова всю жизнь. Еще в ранней молодости он объездил пол-России, подыскивая усадьбу на Украине, где можно было бы обосноваться и уединиться «для трудов праведных», в 1888 г. впервые побывал в Крыму и на Кавказе и тогда же пытался добраться

Антон Чехов (справа) с мангустом на борту парохода «Петербург». 1890 г. Фото А.В.Щербака из личной коллекции писателя.

до Средней Азии и Персии. Впоследствии он неоднократно посещал многие страны Европы (в том числе и вынужденно, по болезни), а в планах и мечтах уносился еще дальше - в Африку, в Скандинавию, «в Ледовитый океан», в Новый Свет (в Америку) и даже на русско-японскую войну в Маньчжурию в качестве врача. Его кумирами были Н.М.Пржевальский и И.А.Гончаров - путешественник и писатель, обладавшие даром завораживающих описаний дальних странствий. Гончаровский «Фрегат “Паллада”», как засвидетельствовал в письмах сам писатель, до конца жизни оставался одним из любимейших его произведений.

«...ЧИТАЮ, ДЕЛАЮ ВЫПИСКИ»

Собираясь в такое серьезное путешествие, причем, впервые за границу - в Азию, Антон Павлович завел специальную тетрадь, которую озаглавил «Литература». Уже по собственноручно составленному списку 65 работ (книг, статей, газетных сообщений) виден серьезный, научный характер подготовки. С января 1890 г. и до самого отъезда (21 апреля) писатель углубленно штудировал отобранные книги и статьи.

В центре внимания Чехова практически все, что было известно тогда о Сахалине, - от самых первых карт периода освоения острова до зоологии и геологии и, конечно, «каторжный вопрос». «*Целый день сижу, читаю и делаю выписки*», - сообщал он 15 февраля своему другу, поэту А.Н.Плещееву.

Но в знаменитом списке не только работы о Сахалине. В нем и самые известные на тот период публикации по освоению русскими (и не только русскими) Дальнего Востока, о дальних плаваниях русских моряков, художников, писателей. Это труды И.Крузенштерна и Ю.Лисянского, С.Крашенинникова и Г.Невельского, А.Вышеславцева и Ж.-Ф.Лаперуза (на фр. яз.). Конечно, здесь же и «Фрегат “Паллада”» - романтизированное описание трудной и опасной экспедиции под командованием вице-адмирала Е.В.Путятина, закончившейся установлением дипломатических отношений с Японией.

Две крупные работы, отмеченные в списке, посвящены соседним с Россией дальневосточным странам. Это трехтомник немца Ф.Зибольда «Путешествие по Японии или описание Японской империи» (в переводе Н.В.Строева) и весьма информативное исследование К.Скальковского, присланное автором (хорошим знакомым Чехова по «Новому времени»), «Русская торговля в Тихом океане. (Экономические исследования русской торговли в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии)».

Третью знаменитую чеховскую подборку составляют труды, выписанные из «Морского сборника», ежемесячного журнала, выходившего «под наблюдением Главного Морского Штаба», библиографический раздел которого сообщал о выходе или переиздании работ по мореплаванию российских и иностранных авторов, часто с полезными аннотациями. Там можно было найти свежую информацию по любой стране, куда заходили российские суда.

Из писем явствует, что Чехов ознакомился с гораздо более широким кругом материалов по интересующей его тематике, чем указано в его списке. Часто они скрыты за названием журнала или сборника,

а иногда «зашифрованы» и понятны только адресатам. Так, в письме А.С.Суворину от 4 марта говорится о возврате ему “Asie”, как теперь установлено, тома, посвященного Азии, французской энциклопедии «Живописная вселенная» из личной библиотеки издателя².

НА САХАЛИН И ДАЛЕЕ

Дорога на Сахалин в 4500 верст заняла 81 (!) день (включая 11-дневное плавание по Амуру) и была похожа на «тяжелую, затяжную болезнь». Впечатления этого периода отражены в чеховских путевых заметках «Из Сибири», которые печатались в «Новом времени». Заметим, что такой опыт не пришелся писателю по душе: он не включил их в свое первое, лично отредактированное собрание сочинений (изданное в Санкт-Петербурге А.Ф.Марксом). И вообще после этого никогда не писал путевых заметок или очерков о последующих дальних и ближних путешествиях, хотя они, несомненно, давали Чехову «зерна» для творчества.

Прибыв на Северный Сахалин 11 июля 1890 г., Антон Павлович пробыл на «невольничьем острове» чуть более трех месяцев. Не раз потом он отмечал, что «видел все» на Сахалине, кроме смертной казни, и подчеркивал: «*Сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации*».

Несомненно, у Чехова был некий план научной работы - сбор материалов об условиях жизни каторжан, составление специальной картотеки, разработанной им самим (и подробно описанной в 3-й главе «Острова Сахалин»).

Еще накануне поездки на Восток Антон Павлович писал Суворину (9 марта): «*Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий. ... Я хочу написать хоть 100-200 страниц и этим немножко заплатить своей медицине, перед которой я, как Вам известно, свинья. Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня своего аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу*».

Забегая вперед, отметим, что работа над книгой «Остров Сахалин» шла туго, с отвлечениями. Она вышла отдельным изданием в 1895 г. и имела заметный социально-политический резонанс. Труд о сахалинской каторге был замечен даже за границей. Но автор то радовался громким отзывам, то почему-то сетовал, что «книжка ни на что не пригодилась... никакого эффекта она не вызвала». И все-таки писатель, видимо, счел на этом свой долг перед медицинской исполненной и в конце концов заключил: «*Я рад, что в моем беллетристическом гардеробе будет висеть и сей арестантский халат. Пусть висит!*»

Политизированные потомки, однако, оценили «Остров Сахалин» гораздо выше, справедливо полагая, что этот труд А.П.Чехова - еще и начало в русской литературе темы протеста против насилия и преступлений власти предержащих, апофеозом которой стал «Архипелаг Гулаг» А.И.Солженицына.

Когда Чехов перебирался с Северного Сахалина на Южный, ближе к отъезду, его беспокоила совсем другая проблема. «*Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шан-*

хае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на Луне - всюду холера, везде карантин и страх, - с отчаянием сообщал он Суворину 11 сентября, находясь на борту парохода «Байкал» в Татарском проливе. - На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак».

Возникла даже угроза «прозимовать на каторге». И в письме матери с Корсаковского поста он признавался: «...вот уже три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь. Поскорее хочется в Японию, а оттуда в Индию».

Однако этим планам не суждено было сбыться. С приходом парохода «Петербург» из состава Добровольного флота, регулярно перевозившего грузы и арестантов из Одессы на Дальний Восток, стало ясно, что из-за продолжающейся эпидемии тот отправится в обратный рейс под карантинным флагом с заходом в немногие порты, открытые к тому времени.

ТАМ, ГДЕ БЫЛ РАЙ

Коломбо стал третьей остановкой на пути домой, на 23-й день морского перехода Корсаков-Одесса. Вахтенный журнал свидетельствует, что «Петербург» находился в порту острова три дня и две ночи - с утра 10-го до вечера 12 ноября (22-24 н. ст., т. е. по западноевропейскому календарю обе даты фиксировались в журнале)³.

А до этого было насыщенное событиями и впечатлениями плавание по дальневосточным морям, наблюдения за корабельным бытом, заходы в иностранные порты - «оазис» колониальной цивилизации Гонконг и «грустный» Сингапур (который Чехов даже «плохо помнил»), опаснейший тайфун в Южно-Китайском море, похороны в морской пучине умерших на пароходе каторжных.

Чехов активно общался с пассажирами и командой парохода, подружился с некоторыми из них и переписывался позднее. Помогал он и судовому врачу (не отсюда ли «подслушанные» в лазарете диалоги в рассказе «Гусев» - первом после поездки?).

Судовой врач Александр Викторович Щербак, с которым Чехов «почти подружился» и называл «замечательным человеком», тоже состоял с писателем в довольно интенсивной переписке. В качестве врача он участвовал в сербско-турецкой и русско-турецкой кампаниях на Балканах, а затем и в Средней Азии. Доктор Щербак был автором газетных корреспонденций с полей событий и двух книг о боевых походах. После войны он был старшим врачом в Санкт-Петербургской Александровской больнице для чернорабочих, затем судовым врачом Добровольного флота, неоднократно сопровождал партии ссыльных на Сахалин и в Сибирь. Его перу принадлежит также ряд ярких очерков о сахалинской ссылке, печатавшихся в газете «Новое время». Антон Павлович сослался на его заметки в «Острове Сахалин».

Этот незаурядный человек оказался еще и хорошим фотографом. Его фотопластины сохранили образы сахалинской каторги, а также эпизоды путешествия Чехова вокруг Азии. Несомненно, что А.В.Щербак был главным гидом Чехова во время путешествия вокруг Азии. К сожалению, 4 года спу-

Цейлонские рикши. Фото из коллекции А.П.Чехова.

стя он умер от приступа «грудной жабы» во время стоянки в Нагасаки (как сообщалось в телеграмме российского консула). Могила доктора Щербака на местном кладбище сохранилась.

А вот главное впечатление Антона Чехова об острове (в «кратчайшем отчете» Суворину от 9 декабря): «Затем следует Цейлон - место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами. Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: «Сукины дети, я на своем веку имел сношение с черноглазой индуской... и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь»⁴.

Конечно же, последнее предложение из письма было опущено во всех советских переизданиях собрания сочинений и писем А.П.Чехова. Оно диссонировало с «иконкой», т.е. с навязанным обществу аскетичным образом классика (представителя «критического реализма» - по определению А.М.Горького). Любопытно, что эпизод с «индусской» не выбросила даже его сестра Мария Павловна, издатель и строгий цензор самого первого сборника писем писателя 1912-1916 гг.

Считается, что вместе с другими «классными» пассажирами Чехов остановился в припортовой гостинице «Grand Oriental Hotel», одной из лучших в городе. В холле гостиницы сегодня висит мемориальная доска в честь пребывания здесь русского писателя, установленная не так давно Обществом ланкийско-российской дружбы. Однако бесспорных документальных доказательств этого факта пока нет.

Поскольку документов, относящихся к посещению острова, было немного, то в литературе о Чехо-

В таком бунгало, похоже, состоялось randevу с "черноглазой индуской". Фото из коллекции А.П.Чехова. Публикуется впервые.

ве (или, точнее, «около Чехова») по сей день «гуляют» живописные небылицы, к примеру, что русский писатель лечился от туберкулеза у туземной знахарки и страстно влюбился в нее. Другая рассказывает о том, что писатель остановился сначала в шикарной прибрежной гостинице «Galle Face», а потом, после ночного шторма и потопа в номере, переселился в «Grand Oriental».

На сегодня достоверно установлено, что Антон Павлович провел в Коломбо только одну ночь (а вторую в городе Канди). Но где именно? Во время пребывания в Шри-Ланке весной 2008 г. я в первую очередь пытался разрешить этот вопрос. Но в Историческом музее Шри-Ланки (в Коломбо) и в обеих гостиницах никаких подтверждающих документов не оказалось. Управляющий «Grand Oriental Hotel» даже открыл для меня специальную «архивную комнату», где хранились старые бухгалтерские книги. Кстати, и сама мемориальная «чеховская» комната № 304 продолжает оставаться обычным, но довольно дорогим гостиничным номером, где каждый может потешить свое самолюбие, ночуя в окружении портретов Чехова, рисунков князя Alexis

Однако одно ценное свидетельство в конце концов все же было получено. Тогдашний директор Русского центра при российском посольстве в Шри-Ланке М.А.Устинов рассказал, что «лет 5-6 назад» посольство России официально обратилось в МИД Шри-Ланки с просьбой разыскать документы, касающиеся пребывания А.П.Чехова на Цейлоне. Через какое-то время состоялась презентация, на которой ланкийцами была продемонстрирована регистрационная книга отеля «Grand Oriental» за ноябрь 1890 г., где была запись: «доктор Чехов, Россия, номер 304». Но тогда почему-то никто не догадался сделать пару фотографий или снять копию с архиважного документа. Теперь этот путь поиска надо пройти заново.

Soltykoff* и ряда предметов обстановки (гардероб, письменный столик, подставка для багажа), которые, как утверждал портье, сохранились со времен Чехова.

Вернемся, однако, к Чехову тех дней. Нетрудно предположить, что по приезде он вместе со спутниками осмотрел Коломбо и тогда же впервые у уличных продавцов увидел поразившую его отважную битву мангустов с коброй.

Посетил Чехов и ближний пригород, о чем, в частности, свидетельствует ряд привезенных им фотографий. На одной из них видна железная дорога, подходящая вплотную к океанскому побережью, поросшему пальмами. Такое место и по сей день - единственное близ Коломбо, в получасе езды на юг. Здесь много уютных, тихих бухточек с белопесочными пляжами и буйной тропической растительностью, сюда приезжали на отдых иностранцы и местная знать. По-видимому, здесь «в лунную ночь» и состоялось известное randevу с «черноглазой индуской».

В цейлонской деревне. Рисунок князя А.Салтыкова.

* Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806-1859) - дипломат, путешественник, писатель, художник.

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАНДИ

На следующий день Чехов отправился по железной дороге в глубь острова, в прежнюю сингальскую столицу Канди (Kandy) в 120 км от Коломбо. В 1815 г. во время колонизации острова англичанами она пала последней. И поныне главная достопримечательность города - храм Шри Далада Малигава, где хранится священная реликвия буддизма - зуб Будды, найденный, по преданиям, в золе погребального огня.

Надо думать, что Чехов со спутниками осмотрели знаменитый буддийский храм. Но прямых воспоминаний об этом нет, скорее всего, потому, что экскурсанты были здесь в рядовой день, когда само хранилище и алтарь обычно закрыты. А грандиозные празднества с шествием слонов, выносом драгоценных реликвий и демонстрацией их публике проводятся только раз в году и приходятся, по буддийскому календарю, на август (иногда июль).

Правда, по утверждениям ряда журналистов, уже более сотни лет публике демонстрируется муляж. А настоящую реликвию показывают очень редко только избранным гостям. По-видимому, первым из русских, кто видел оригинал и оставил его описание, был князь А.Д.Салтыков. Он дважды посетил Индию (включая Цейлон) и в 1848 г. издал в Париже письма, полные живых и тонких наблюдений, с собственными иллюстрациями.

Еще одной достопримечательностью Канди было и остается живописное полноводное озеро в центре города, на берегах которого храм и расположен. Здесь же в пределах прямой видимости от храма находилась (и существует поныне!) старомодная гостиница «Queen's Hotel», в которой останавливался Антон Павлович. Этот факт подтверждают найденные недавно в архивах писателя два счета отеля от 23-24 ноября (н. ст.), выписанные на имя Чехова.

Впечатления тех дней еще дважды упоминаются в чеховской переписке (с Сувориным от 2 и 7 августа 1893 г. из Мелихова) в неожиданной связи: «Армию спасения, ее процессии, храм и проч. я видел на Цейлоне в городе Кэнди (Канди. - Д.К.). Впечатление оригинальное, но давящее на нервы. Не люблю». И в другом письме: «Еще об Армии спасения. Я видел процессию: девицы в индусском платье и в очках, барабан, гармоники, гитары, знамя, толпа черных голожопых мальчишек сзади, негр в красной куртке... Девственницы поют что-то дикое, а барабан - бу! бу! И это в потемках на берегу озера».

Следует подчеркнуть, что виденное Чеховым никакого отношения к буддийским празднествам не имеет. В те годы такие зрелища постоянно устраивала эта религиозно-филантропическая организация, созданная еще в 1865 г. английским священником (и существующая поныне). Ее экстравагантные шествия, эмоциональные проповеди, но главное - реальная помощь на сделанные пожертвования привлекали немалое внимание населения.

На следующий день Антон Павлович возвратился в Коломбо и, вероятно, тогда же приобрел трех мангустов. Интересные факты мне удалось почерпнуть недавно с помощью друзей из Шри-Ланки в книге «Чехов и Цейлон», принадлежащей перу «патриарха» современной ланкийской литературы Мартина Викрамасингхе (1890-1976). Опираясь на известные ему на тот период факты (1970 г.), М.Ви-

крамасингхе упоминает, что Чехов посетил зоосад в пригороде Коломбо, чтобы узнать, сможет ли мангуст жить в российском климате.

Любопытна и такая догадка ланкийского писателя: Чехов, узнав, что одна из высших точек Цейлона - гора Шри Пада (2243 м, в 65 км от Коломбо) называется еще и «Адамовым пиком» (именно на него по преданиям ступил Адам, изгнанный из рая), назвал весь Цейлон «райским уголком». (Кстати, М.Викрамасингхе неоднократно бывал в СССР и в 1959 г. посетил Дом-музей А.П.Чехова в Ялте.)

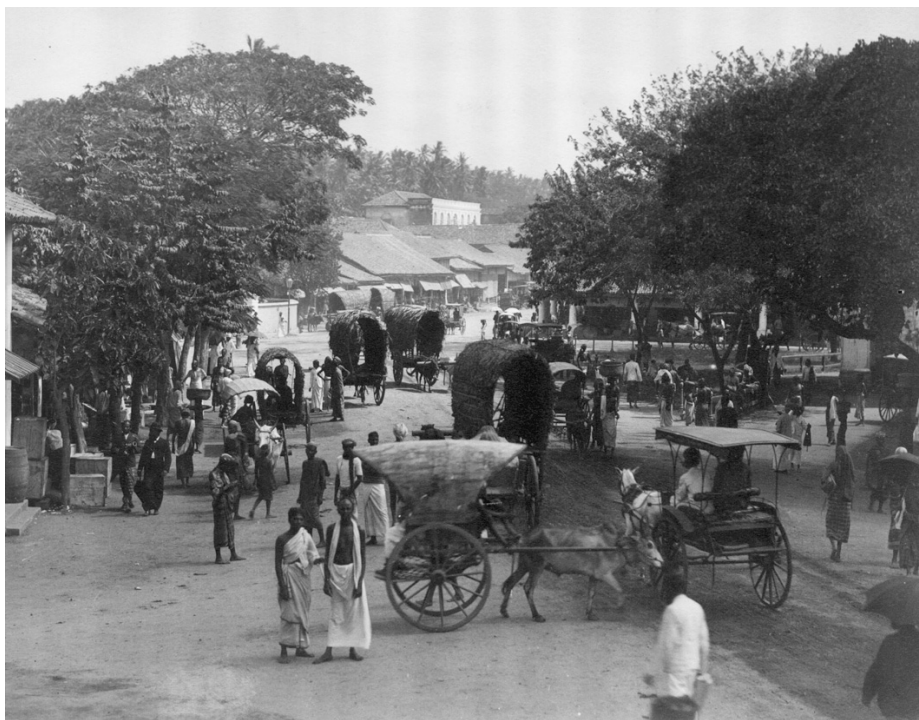
...На закате в 8 вечера 12 ноября 1890 г. пароход «Петербург» отчалил из Коломбо. Но в этот день случилось нечто очень важное. Пребывание на тропическом острове вызвало у Чехова творческий всплеск. Именно здесь, по его собственному признанию, «зачат был» рассказ «Гусев», который писатель привез из путешествия, как бы выполняя данное друзьям шутливое обещание. Более того, он проставил точную дату «зачатия» (в письме Суворину от 23 декабря 1890 г.): «Буде пожелаете, можете для шика написать внизу: "Коломбо, 12 ноября"».

В ряде современных публикаций говорится, что писатель возвращался с Сахалина очень больным, его мучили приступы удушья и кашля. Однако сам он неоднократно подчеркивал в письмах, что «чувствовал себя здоровым вполне», «ни разу не был болен». Более того, буквально накануне путешествия, в декабре 1889 г. Чехов писал: «В январе мне стукнет 30. Подлость. А настроение у меня такое, будто мне 22 года».

Естественно, морской этап вокруг Азии был для Чехова намного легче, чем 81-дневное «конно-лошадинное странствие» через Сибирь, а затем и 3-месячное пребывание на каторжном острове. Он даже купался в Индийском океане. Михаил Павлович Чехов так вспоминал рассказ брата: «С кормы парохода был спущен конец. Антон Павлович бросился с носа на всё ходу судна и должен был ухватиться за этот конец. Когда он был уже в воде, то собственными глазами увидел рыб-лоцманов и приближающуюся к ним акулу»⁵.

Эпизод с акулой, как известно, вошел в «первоклассно хороший» (по словам И.А.Бунина) рассказ «Гусев» (когда покойника, завернутого в белое, сбрасывают по морской традиции в морскую пучину, и акула, играя, подхватывает его в глубине). Так же как вошло и сочное описание поразительного по краскам заката солнца в тропиках - в финале рассказа. Этому описанию вторят и строки из письма Суворину: «Если в царстве небесном солнце заходит так же хорошо, как в Бенгальском заливе, то, смею Вас уверить, царство небесное очень хорошая штука».

В своих воспоминаниях И.А.Бунин писал, что в годы их тесного общения с Антоном Павловичем в Крыму устные рассказы Чехова о его путешествии через «светоносные страны» разожгли любопытство и глубинный интерес у молодого писателя. И впоследствии, совершая собственное путешествие по странам Востока, Бунин шел как бы по стопам Чехова, но в обратном порядке - посетил, в частности, Египет и Ближний Восток, проплыл Красным морем и Индийским океаном и завершил маршрут Цейлоном, оставив путевые впечатления в великолепных рассказах и стихах.

Площадь в городе (предположительно Канди). Из коллекции А.П.Чехова. Публикуется впервые.

ВСПОМИНАЯ ЦЕЙЛОН

«От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки», - вспоминал Чехов. Последний (краткий) заход был в Порт-Саид (Египет). А до этого Чехов «переплыл» Индийский океан и «унылое» Красное море, прошел недавно прорытым Суэцким каналом, а по пути «умилялся» Синайскими горами - святыней христианства. Писатель видел острова греческого архипелага, «обедал с Дарданеллами, любовался Константинополем». Но в вожделенный Константинополь так и не попал - проплыл мимо. 2 декабря пароход вернулся в уже заснеженную Одессу, а 5 декабря 1890 г. после трех суток карантина Антон Чехов сошел с парохода и вечером сел на московский поезд.

В Москве путешественник окончательно «расклеился» от простуды, подхваченной на холодных ветрах Средиземноморья, но надо было обустроиться на новом месте (на Малой Дмитровке), принимать бесконечных посетителей, «отчитываться» в письмах друзьям и родственникам о необычной поездке.

Старшему брату, Александру, Чехов сообщал, что «привез с собою миллион сто тысяч воспоминаний и трех замечательных зверей, именуемых мангусами (т. е. мангустами. - Д.К.). Оные мангусы бьют посуду, прыгают на столы и уж причинили нам убытку на сто тысяч, но тем не менее все-таки пользуются общою любовью».

Правда, вскоре выяснилось, что продавец в Коломбо «надул» писателя и под видом самочки продал пальмовую кошку. Зверьки с Цейлона еще долго были предметом обожания, а потом и забот всего семейства Чеховых и даже стали темой столичных

газет. «Мангусы, эти преуморительные зверьки, вывезенные А.П.Чеховым с острова Цейлон, сделались положительно злобой дня», - писали «Новости дня» от 16 декабря 1890 г.

Зимой было решено передать животных в дар Московскому зоосаду. Как вспоминал М.П. Чехов, «с той поры мангус и его спутница - пальмовая кошка сделались украшением зоологического сада. Сестра Мария Павловна не раз там их навещала».

С Цейлона Антон Павлович привез и массу сувениров, фотографий и открыток. Очень дорогими для писателя были фигурки слоников - два маленьких белых из бивня слона и два побольше - из черного эбенового дерева. Вместе с другими немногими, самыми памятными вещами, привезенными из

путешествия на Восток, и рядом с докторским молоточком они всегда сопровождали Чехова по жизни и находились на письменном столе писателя, где бы он ни жил, - в Москве, Мелихове, Ялте.

Но, разумеется, самая большая ценность, привезенная из путешествия, - рассказ «Гусев», вызвавший восторженные отклики друзей и почитателей.

В письмах той поры Антон Павлович еще долго вспоминал Цейлон (Индию) и сравнивал с увиденным в европейских путешествиях, даже мечтал вернуться туда еще раз. В письме Суворину 18 октября 1892 г. писал: «Буду работать всю зиму, не вставая, чтобы весной уехать в Чикаго (на Всемирную выставку. - Д.К.). Оттуда через Америку и В<еликий> океан в Японию и Индию. После того, что я видел и чувствовал на востоке, меня не тянет в Европу...»

¹ Здесь и далее тексты писем А.П.Чехова цитируются по: Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. М., Наука (1974-1983). Даты переписки указаны, согласно оригиналу, по ст. ст.

² Библиотека Суворина, собиравшаяся им всю жизнь, была подарена впоследствии Румянцевской библиотеке. К большому сожалению, жизнь и деятельность на благо народа России этого незаурядного человека - писателя, издателя и просветителя - оказалась надолго и незаслуженно погребенной одной-единственной фразой В.И.Ленина о политическом дрейфе Суворина от либерализма к «национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими». - Ленин В.И. Карьера. ППС, 5 изд., т. 22, с. 44.

³ Все записи вахтенного журнала цитируются по архивному оригиналу: РГИА (СПб), ф. 98, оп. 1, д. 4909, л. 71-125.

⁴ Цит. по: Чудаков А. «Неприличные слова» и облик классика: о купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение, 1991, № 11, с. 55.

⁵ Чехов М.П. Встречи и впечатления // Вокруг Чехова. М., 1990, с. 280.